

фантастическая
история

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Станислав Смакотин

Цуситский синдром

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С50

Серия основана в 2010 году
Выпуск 118

Смакотин С. В.

С50 Цусимский синдром: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2387-3

Не успел наш соотечественник расслабиться в отпуске, находясь на вьетнамском катере и наслаждаясь морским пейзажем, как вдруг резкий маневр суденышка, кувырок за борт — и вот он уже на грани жизни и смерти бултыхается в волнах Южно-Китайского моря. Вдали видны дымы каких-то кораблей, и потерявший надежду на спасение человек отчаянно машет руками, из последних сил прося о помощи. Его замечают, поднимают на борт, но... Ситуация лишь усугубляется: непостижимым образом спасенный оказывается в мае 1905 года от Рождества Христова на борту броненосца «Князь Суворовь», флагмана Второй Тихоокеанской эскадры Российского императорского флота. За несколько дней до ее катастрофического разгрома.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Смакотин С. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2387-3

— Э-э-э-эй... Помогите!.. Э-э-эй!.. Тону!..

Бесполезно кричать. Ненавижу море! Теперь — точно ненавижу... Волны захлестывают, и держаться на поверхности все трудней. Я наглотался воды на всю свою будущую жизнь. Похоже, недолгую. Кто там говорил, что соленая вода держит тело на поверхности? Смело плюнуть в лицо и растереть ладошкой. Тянет ко дну...

Звук катера давно стих. Там и не заметили отсутствия вывалившегося за борт русского туриста. Говорила же мне мама, что умру я от сигарет! Так оно и выходит... Только вот не от рака легких, теперь это очевидно. Тут, мам, ты ошиблась чуток...

И дернул же меня черт выйти покурить на корму! А этого вьетнамца-капитана — заложить такой вираж, что Шумахер позавидовал бы на своей «Формуле»... Кувырок в пространстве, смена звука мотора на глушь воды — и я здесь. Интересно, а акулы в Южно-Китайском море водятся? Неприятная мысль вызывает острое желание бежать отсюда поскорей, да с ветерком. Так, чтобы пятки засверкали. Смотраться подальше! Ага, убежишь здесь...

Пытаюсь лечь на спину и расслабиться: вроде бы так надо поступать для экономии сил?.. Где-то читал или видел в кино... Умирать все же очень не хочется!..

Закрыв глаза, стараюсь подавить приступ паники: спокойно, Слава. Ты сейчас на пляже возле отеля. В бухте Камрань прекрасная погода. Скоро наступит полуденная жара, и вместе с Анькой мы уйдем в уютный номер под кондицио-

нер. Потом поужинаем и пойдем гулять по линии приборя. Как вчера. Я буду рассказывать ей, что читал о море, а она удивленно хлопать глазами, не переставая удивляться. Смешно ойкая, как она всегда это делает... Покажу ей ночных крабов, так прикольно замирающих в свете фонарика. Вернемся в отель мы уже за полночь, и я, медленно ее раздев...

Анька! Будь ты на катере — давно бы подняла панику. Просто порвала бы этого вьетнамца на запчасти. Но в круиз по морю ты не поехала...

Надо держаться, кто-то ведь должен хватиться меня, рано или поздно? Не вьетнамец, так хоть это семейство из Воронежа?

Сквозь плеск волн пробивается посторонний звук. Неужели вернулись?! Ура, я спасен! Вьетнамец, я тебя лично расцелую и обниму! Плевать, что ты козел и из-за тебя я чуть не утонул. Только вытащи меня отсюда!

Моментально переворачиваюсь и пытаюсь оглядеться. Корабль!!!

Недалеко, примерно в километре от меня, возвышается черная громадина! Она движется как раз в мою сторону!

Я из последних сил машу руками и захлебываясь кричу:

— Тону-у-у-у!!! Спасите!!! Хелп!!! — неожиданно для себя самого перехожу я на английский.

Темная громадина приближается, видны две огромных трубы и валящий из них дым. Удивительно. Пароход? Плевать, хоть римская триера, только спасите меня! Волны накатывают одна за одной, то поднимая, то вновь опуская. От этих качелей уже неслабо мутит, если что. Сил почти не остается, но я собираю в кулак последние:

— Хелп, плиз!..

Громкий гудок. Заметили! Теперь только не захлебнуться, только дождаться помощи!

Огромный черный корпус увеличивается, нависая надо мной. Что же так медленно! Мне показалось или я увидел пушку впереди? Корабль военный? Да все равно, главное — вытащите меня...

Что-то громко шлепается рядом. Спасательный круг!

Делая несколько отчаянных гребков, «на зубах» подплываю к нему, намертво вцепляясь в свое избавление. Оторвать сейчас меня не сможет никто и ничто. Хоть сам Посейдон, мать его... Который меня чуть не утащил в свое царство, да фиг тебе теперь! У меня есть круг, и пошел ты, Посейдон. Я спасен!

Слышны крики с корабля, и я с удивлением поднимаю голову. Отличить русский народный мат от любого другого я смогу хоть на Луне. А это именно он и есть. Это же наш пароход с пушкой?! Я оглядываюсь — неподалеку идет еще один. За ним еще, и еще... Множество дымков скрывается за горизонтом. Эскадра!

Последнее, что я вижу, когда меня подтягивают к борту, — это выполненная золотом огромная надпись «Князь Суворов».

То ли от соленой воды, то ли от перегрева на вьетнамском солнышке... То ли еще от чего... Например, того, что броненосец «Князь Суворов», флагман Тихоокеанской эскадры Российской империи был потоплен в Цусимском сражении аж в 1905 году, то есть больше ста лет тому назад... Не знаю, от чего именно мне становится плохо. Но силы покидают меня, как и разум. И я попросту отключаюсь.

Как же я люблю поваляться вот так в кровати. Когда не надо просыпаться на работу, а сам ты находишься на берегу теплого южного моря. Непритязательный слух жителя Сибири ласкает нежный шум прибрежных волн, а в открытое окно долетают редкие соленые брызги. Номер отеля мягко покачивается на волнах, а громкий гул почти не мешает немного доспать.

Глаза открывать совсем не хочется, и, потянувшись, я переворачиваюсь на другой бок: Анька наверняка уже давно встала и побежала к морю. С тех пор как мы прилетели, она только и делает, что бегает на берег. Вот неугомонная... Меня калачом теперь не заманишь, особенно после такого сна... Сна...

Улыбаясь, вспоминаю недавний кошмар. Нет, я хоть и несуверен, но никаких морских круизов! Приснится же та-

кое... Сновидение настолько реальное, что даже во рту чувствуется привкус морской соли. И почему здесь такие неудобные подушки? Надо будет сказать на ресепшене, пусть поменяют...

Стоп. Вот сейчас по порядку. От нашего с Анькой номера до моря метров триста. Искали первую береговую линию, но ею пришлось пожертвовать в пользу качества. Не суть важно, в общем. Так какого рожна до меня сейчас долетают морские брызги?! Это что такое должно твориться на море, чтобы они долетали? Идеальный шторм? И если номер отеля второй береговой линии «мягко покачивается на волнах», то... Цунами?.. А где крики, беготня и вообще? Че за грохот вокруг? Где Анька?!

Я осторожно открываю один глаз, тут же захлопывая обратно. Жесть. Это не отель. И это, видимо, был не сон. Вокруг меня металлические кровати в стиле «как у бабушки». Много. Лежу на одной из них, в самом углу. Похоже, я попал на корабль? А соленые брызги летят из распахнутого иллюминатора напротив?

Аккуратно открываю уже оба глаза и рассматриваю, куда это я попал. Множество древнего вида коек в длинном помещении. Между ними узкий проход. В дальнем конце дверь. На стене напротив прикреплена небольшая иконка... Приглядываюсь — кажется, Николай Чудотворец. Во всяком случае, очень похож... Значит, корабль российский?

Внизу живота призывное нытье — организм предупреждает, что, раз выпито большое количество воды, надо куда-то ее девать, иначе он ничего не гарантирует. Почти автоматически шарю под простыней — ничего нет. Кроме того, что прилагается с рождения. «То есть я здесь попросту в чем мать родила?» Осторожно перевожу тело в сидячее положение и начинаю сооружать что-то вроде тоги, как вдруг...

— How are you?¹ — доносится от двери мягкий голос.

Поднимаю голову — ко мне идет довольно молодой мужик с бородкой и усиками. Одет в черную, однозначно во-

¹ Как вы? (англ.)

енную форму... Военную форму?! При всем моем сухопутном и гражданском прошлом я утверждаю, что эта форма... Что-то такое я видел в кино. Что за маскарад? Английская речь — вообще ни в какие ворота.

Заметив мое удивление, тот присаживается напротив. Теперь его можно хорошо рассмотреть, однако легче мне от этого не становится. Черный китель, на погонах две звездочки. Лейтенант? Черт их знает, как там у них на флоте... Может, мичман?

Что-то мне в нем не нравится. Очень не нравится. То ли острые горизонтальные усики торчком, которых не носят уже лет сто... Либо — очень подозрительная форма, которую не менее подозрительная память услужливо сравнивает с виденной в фильме «Адмиралъ»... Тот, что Колчак...

— Э-э-э... Нот вери гуд¹... — с трудом выдавливаю я. Голова идет кругом. Икона русская, форма явно не иностранная, хотя... Я не спец. Как же там по-ихнему «туалет»?..

Последнюю мысль я бормочу вслух. Настает очередь собеседника удивляться:

— Вы говорите по-русски? — Его брови взлетают вверх.

— Говорю... — отлегло. Все-таки наш товарищ. Товарищ мичман, наверное?.. — Товарищ мичман... — наугад ляпаю я. — А где у вас на корабле... Гальюн? — в последний момент вспоминаю я нужное слово.

По глазам офицера видно, что своим вопросом я удивляю его еще больше. Однако тот встает, ничего не говоря, жестом показывая следовать за ним. Что я немедленно и делаю. Заматавшись в простыню.

Мы проходим вдоль рядов кроватей: тумбочка — кровать — тумбочка — кровать... Как в пионерлагере. Или казарме. Наверное, я сейчас в помещении для команды? Потому что, кроме меня, здесь никого нет, а койки аккуратно заправлены. Дверь открыта, а на ней... Хорошо видна табличка с надписью «Лазаретъ»... Ага, мы в корабельном лазарете! Но почему с «ером»-то? Чувствую в ногах легкую слабость, но пока держусь.

---

¹ Не очень хорошо (англ.).

Возле двери, в «предбаннике», дежурит усатый матрос в бескозырке. При виде моего сопровождающего вытягивается, отдавая честь. Матрос как матрос, честь как честь... Двумя пальцами отчего-то... Только на бескозырке у него... Пол уходит из-под ног, и я беспомощно валюсь навзничь. Кажется, кто-то успеваает меня подхватить. Возможно, все тот же матросик. На его бескозырке золотым тиснением блестит надпись: «Князь Суворов».

Острый запах нашатыря заставляет рассосаться приятное небытие. Я вновь прихожу в себя.

— Федор, готовь камфару! — знакомый уже мне голос офицера.

— Есть, ваше благородие...

Чего? «Ваше благородие»?! Ах ну да...

Надо мной склонилось тревожное лицо «вашего благородия». «Эх, а я-то тебя по старинке товарищем обозвал...»

С трудом приподнимаюсь на локтях и жестом показываю, что справлюсь без его помощи. Поправляя простыню на обнажившихся местах, пристально смотрю в глаза «мичману»:

— Вопрос, ваше благородие...

Пытаюсь углядеть хоть тень усмешки в его глазах, но — нет, лицо серьезно и даже встревожено. Не слишком-то напоминает розыгрыш.

— Да, пожалуйста.

— Э-э-э... Ваше благородие, какой сейчас год? Только честно?

Понимая всю неуместность вопроса, жду какой угодно реакции — смеха в ответ, удивления, жалости. Ничего этого не происходит. Все так же серьезно глядя мне в глаза, офицер просто отвечает:

— Одна тысяча девятьсот пятый от Рождества Христова. — И, чуть подумав, добавляет: — Второе мая.

«Князь Суворов», второе мая... Цусимское сражение четырнадцатого... Нет, невозможно!

Подбегает запыхавшийся Федор со шприцем. При виде допотопного стеклянного артефакта мне очень хочется

вновь потерять сознание. Мои мысли на удивление схожи с мыслями военврача, и рука с нашатырем немедленно окazujeется под носом.

— Дышите, милейший! — Он делает знак матросу.

— Ай! Товарищ... Господин врач, мать-перемать...

— Терпите. Вот так... Молодцом!

Окончательно прихожу в себя. Однако вовсе не от укола, а скорее от ощущений, им доставленных. Довольно бодро вскакиваю и прошу матроса побыстрее проводить до туалета. Или как там его... Гальюна. Ни о чем пока не могу думать, кроме него... После, все после!

Выйдя оттуда через минуту, напрочь лишаюсь способности думать, ощущая исключительное блаженство. «Ну их на фиг, эти мысли... От них лишь в обмороки грохаться. Не хватало еще...» С трудом открыв дверь и придерживая простыню, я шлепаю босыми ногами к кровати.

Отношу себя к тем людям, которые читают. Хотя бы иногда. Конечно же волна романов про попаданцев не обошла и меня стороной. Попадали эти попаданцы буквально всюду: в доисторическое прошлое, в Римскую империю, незадолго до Великой Отечественной. Бывало, залетали в светлое, и не очень, будущее.

Но!

Как правило, делали это персонажи придуманные — раз. Военные — два. Не военные, так хоть какие-нибудь ученые — три. Я же реальный, очень надеюсь на это, инженер-электрик из Томска, ничем таким славным не выдающийся. Ну военная кафедра давным-давно — так это разве повод меня в прошлое засовывать? И специальность-то моя военная — зенитный ракетчик, а до появления самых первых «Катюш» пройти должно лет как минимум тридцать!

Сейчас улягусь, усну... А когда проснусь, опять вернусь во Вьетнам, к Аньке. Не хочу этого бреда!..

Однако план не срабатывает. Сидя на моей кровати, меня дожидается все тот же... Пусть пока будет «мичман».

— Вижу, укол пошел вам на пользу! — На лице участливая улыбка.

— Да уж, господин... — Я замолкаю.

— Младший судовой врач, коллежский советник Аполлоний Михайлович Матавкин. — Он легонько наклоняет голову. — Можете просто — Аполлоний Михайлович. С кем имею честь?

— Ну... — не знаю, как представиться... Наконец все же решаю: — Вячеслав Викторович Смирнов. Инженер, — выпаливаю я, немедленно прикусив язык. Вот ведь враг мой, а?

Тот явно хочет спросить что-то еще, однако сдерживается. Судя по «коллежскому советнику» я тоже, как инженер в царской России, обязательно должен носить какой-то чин? Однако врать в данной ситуации явно не стоит. Как и... Как и говорить правду! Вот я попал...

— Я взял на себя смелость, господин Смирнов, принести вам ваши вещи... — Эскулап извлекает из-за спины бумажный сверток. — Как и то, что в них находилось... — достает второй, тут же его разворачивая.

Оценив содержимое, я вздрагиваю. Что не остается незамеченным.

А вздрогнуть-то есть отчего. Потому что передо мной лежит все то, что находилось в моих карманах. В частности: отсыревшая пачка сигарет с фильтром — одна штука. Зажигалка газовая кремниевая — еще одна штука. Но это полбеда. Дальше все значительно хуже. Наверное, с большой натяжкой и возможно убедить человека из прошлого в том, что сигареты с зажигалкой — это все фигня. Но вот смартфон и вьетнамские, вперемешку с российскими, из двадцать первого века бумажные и металлические деньги — это уже ни в какие ворота. Довершает всю эту прекрасную картину мой загранпаспорт нового образца. В заднем кармане джинсов был. Мидовский, мать его... Да какая, впрочем, теперь разница-то?.. Хоть овировский... Смартфон отсыревший не включится — и то хорошо... Хотя чем хорошо-то?

— Что скажете? — доктор внимательно смотрит на меня.

Что здесь можно ответить?..

— Господин Матавкин... — внутренне я сам себе удивляюсь. Как это быстро у меня стало получаться: «господин»! Привыкаю? Что-то больно быстро... — Дайте мне некото-

рое время... Пожалуйста! — смотрю ему в глаза. — Если вы все прочитали и догадались, в чем дело, — терять мне все равно нечего, и я иду ва-банк, — то огромная просьба: не рассказывайте об увиденном никому, — киваю в сторону вещей. — Особенно контрразведке! — При этих словах его зрачки сужаются.

Зря я про контрразведку-то... Не стоило!

Однако внешне Матавкин бесстрастен. Забирает оба свертка, поднимаясь:

— Договорились. У вас есть два часа, господин Смирнов. Вещи ваши я пока уберу в личный сейф. — Разворачивается, направляясь в сторону выхода.

— Господин Матавкин! — Я все же не могу не спросить.

— Да?

— Господин Матавкин, один вопрос...

— Слушаю вас.

— Скажите... Я действительно нахожусь на флагмане Второй Тихоокеанской эскадры, «Суворове»? Эскадра следует во Владивосток, соединившись в Камрани с третьей эскадрой?

Врач ненадолго задумывается. Наверняка оценивает — выдаст военную тайну или нет. Наконец утвердительный кивок.

— Именно так.

Дальнейшие вопросы не имеют никакого смысла, но я все же интересуюсь, дабы окончательно себя добить:

— Ведет эскадру адмирал Рожественский?

— Вице-адмирал. Зиновий Петрович.

— Спасибо! — откидываюсь на подушку с отсутствующим видом. Матавкин, кажется, хочет что-то добавить. Однако, постояв некоторое время, разворачивается и молча уходит, оставив меня наедине с самим собой и невеселыми мыслями.

Когда дверь закрывается, я потуже закутываюсь в простыню. Уставившись в стенку мышинового цвета тумбочки. Мысли отсутствуют напрочь. Отогнув угол постели и разглядывая незамысловатое сеточное переплетение, поддерживающее матрас, я все же стараюсь сосредоточиться. Для

чего сильно тру виски. Немного помогает. Только грохот двигателей сильно бьет по мозгам... Привыкнуть будет не просто.

Итак... Что мы имеем? Русский турист тридцати четырех лет от роду прилетел отдыхать во Вьетнам с женой Анькой...

На этом месте в горле появляется подозрительный ком. Анькой... Неправильно я начинаю собирать этот пазл, ой как неправильно... Она там, наверное, в истерике сейчас бьется, все глаза выплакала...

Стоп. Опять не пойдет! Там — это где? Если я здесь, в начале двадцатого века, то она даже не родилась... А я? Тоже, получается, еще не родился?!.. Тогда какого лешего я тут делаю-то? Опять все не так!

Перед глазами немедленно возникает колоритный образ профессора из «Назад, в будущее». Презрительно осмотрев меня глазами навывкате, тот важно гундит фразу финала трилогии: «Ваше будущее еще не написано. И ничье. Будущее такое, каким вы его сделаете сами. Так что старайтесь!»

Вот ненавижу я Голливуд... Но рациональное зерно в этих словах присутствует.

Итак, вернемся. Каким-то невероятным образом, свалившись с катера во время морской прогулки, я очутился на флагмане русской эскадры, броненосце «Суворов». «Цусимой» Новикова-Прибоя, как и все мальчишки моего возраста, я зачитывался все детство и хорошо представляю историю эпопеи.

Эскадра направляется через Цусимский пролив, во Владивосток. В проливе она встретится с японской эскадрой, итог чего хорошо известен и описан: до Владивостока доберется лишь крейсер «Алмаз» с парой миноносцев. Еще несколько крейсеров, среди которых «Аврора», ускользнут и будут интернированы в нейтральных портах... Остальные либо уничтожены, либо сдадутся в плен. В частности, вот с «Суворова», на котором я в данный момент нахожусь, уцелеет человек тридцать, включая Рождественского со всем штабом... Их снимет миноносец... Не помню названия. И младший корабельный врач Матавкин, с которым я толь-

ко что разговаривал, — однозначно не из числа спасенных. Учитывая его профессию, он — живой труп... Врачи при Цусиме оставались на кораблях вместе с ранеными... От этой мысли по спине пробежал холодок.

Какое он называл число? Второе мая?

Я задумываюсь.

Во Вьетнаме с утра было пятнадцатое. Через три дня у нас с Анькой обратный самолет. А сражение, кажется, произошло четырнадцатого, если не изменяет память. Или изменяет? Что-то не сходится. Либо время сделало небольшой зигзаг. Опять же — какая теперь-то разница?..

Ладно, вернемся.

Бессмысленно вожу пальцем по полоскам матраса. Одна полоска — палец уходит за голову, насколько хватает руки. Вторая — палец возвращается обратно вниз, опять до конца... Черт с ними, с полосками!

Итак, я здесь, на «Суворове». Плыву, или что там плавает в проруби, как говорят на флоте? Точно, не оно... «Иду» вместе с ним к трагической развязке. Если представить, что я вот так, валяясь в лазарете с «ером» на конце, «дойду» до Цусимского пролива, — вряд ли господин адмирал со штабом озаботится моим спасением. Ага, прибегает такой, значит, в разгар сражения... Вокруг снаряды рвутся, на борту полыхает с десятков пожаров, а он, значит: «Доставить мне немедленно того спасенного возле бухты Камрань! Без него никуда не поеду — и точка!»... А я такой выхожу весь красивый из лазарета — и нате вам...

Тьфу! Аж самому противно... Броненосец погибает, а я, значит, рвать когти?! И кто я после этого? Ну уж нет... Погибать-то, конечно, не хочется, да еще как... Вопрос заключается в следующем: а что я, собственно, могу сделать для спасения броненосца? А может, и не только броненосца? А, Слав?..

То ли в ответ на мой плевок, то ли здесь так полагается... В конце лазарета появляется усатый Федор, неуклюже держащий тарелку. Когда он приближается, в другой его руке обнаруживается и железная кружка.

— Откушайте вот... — осторожно размещая добро на тумбочке, буркает Федор. — Его благородие распорядились.

— Каша? — подозрительно приноживаюсь. — А здесь? — показываю на кружку.

— Она самая. Здесь ром, — отвечает удаляющаяся спина.

Хм... Не слишком-то вежливо... С другой стороны, я здесь вообще — кто? Так что заткнулся давай и жри, пока дают.

Каша — она и в Африке будет оставаться кашей. Особенно если овсяная на воде. За минувшее столетие вкус ее ничуть не изменился, и вприкуску с сухарем я быстро уплетаю содержимое тарелки. Сухарь только... С трудом догрыз до половины. Надо было в роме размочить.

Делаю большой глоток — по телу моментально разливается приятное тепло. Ром тут что надо! Следующим движением приканчиваю чарку и опять ложусь, запихнув посуду под кровать. Вот теперь другое дело! Теперь можно и подумать. На чем я, кстати, остановился?

Значит, что мы можем сделать для спасения корабля...

Первый же пришедший в голову вариант гласит о том, что необходимо прямо сейчас бежать, стучаться в дверь каюты Рождественского, оголтело вопя на весь броненосец о том, что его ждет через пару недель. Допустим... Судя по описаниям того же Новикова-Прибоя, этот персонаж обладает настолько крутым нравом, что от меня места мокрого не останется. Так что немедленно прибуду обратно — в «Лазареть».

В лучшем случае — психушка и оставление здесь, опять же в лазарете, до берега. А поскольку такового не предвидится — до морского дна... Нет уж. Не пойдет.

Вариант два: дать знать Рождественскому о предстоящей судьбе. Например, письмом. В голове немедленно возникают строчки: «...И волею судеб имею честь донести до Вашего превосходительства о томъ, что ведомая Вами эскадра будет неминуемо потоплена четырнадцатого мая сего года в Цусимскомъ проливе почти целикомъ. Оставшаяся же часть эскадры сдастся в пленъ японцамъ подъ мудрымъ руководствомъ адмирала Небогатова... В чем удостоверяю

Вась лично, инженеръ-электрикъ из города Томскъ Смирновъ Вячеславъ Викторовичъ...»

Представив, как позеленеет Рождественский после прочтения подобных строк, я моментально отбрасываю письменный вариант. «Вне всякого сомнения: психушка — лазарет — дно!»

Да уж, ситуация...

Полоски на матрасе разбегаются во все стороны... Мне кажется или их количество удвоилось?..

Вариант номер три: я честно признаюсь судовому врачу Матавкину во всем. Вчистую. К тому же у меня попросту отсутствует выбор. Деньги и паспорт — этого не спрячешь... Придется рассказать про участь эскадры, про его судьбу с броненосцем в том числе... Дальше, наверное, заходить не стоит, а то и до Ленина с революцией можно добраться. А вот про Советский Союз вообще заикаться не требуется... Лично я на его месте пристрелил бы того, кто мне поведаст об этой части будущей истории. Особенно на ее начальном этапе, лет эдак через двенадцать...

Решено. Рассказываю Матавкину о недалеком будущем. После вместе решаем, что делать. Если он не пошлет меня к черту, конечно... Что весьма вероятно. Но мужик он вроде неплохой. Да и нет здесь плохих-то... Все они тут — герои. Я это наверняка знаю...

За иллюминатором смеркается. Темнеет здесь моментально, я это помню по отелю. Только что сияло солнышко — и на тебе, через полчаса темнота хоть глаз выколи. Тропики...

Закрываю глаза, делая зевок с опасностью челюстного вывиха. Цусима, броненосец... Ленин, Горбачев... Хрущев, держащий над головой кукурузину... Подождет все.

Проваливаясь в глубину морского дна, отключаюсь. Последнее, что вижу, — это Леонид Ильич, грозящий японцам ракетой «Союз»... Дорогой ты наш... Шум машин корабля превращается в овацию. Сплю...

Бывает ощущение, когда даже сквозь сон ты чувствуешь на себе чей-то взгляд. Спишь вроде бы, а сквозь сон пони-

маешь — смотрит. На тебя. Не самое приятное чувство на свете. Хочется поскорее избавиться от него, да никак не получается. Лежишь и мучаешься: то ли это тебе снится, то ли рядом кто-то есть. Вот и я сейчас не могу прогнать неприятное напряжение.

Открываю глаза — точно, так и есть. На соседней койке сидит коллежский советник Аполлоний Михайлович. Сидит и глядит.

За иллюминатором давно или нет, но уже стемнело. Под невысоким потолком тускло светит несколько лампочек. Каждая ватт на двадцать, не больше.

— Хреновато у вас здесь с освещением... — Я резко сажусь и по привычке начинаю искать глазами одежду. Одежды нет, и я потуже запахиваюсь в порядком уже надоевшую простыню. Долго мне еще здесь Аполлоном ходить?

— Что, простите? — Матавкин удивленно смотрит на меня.

Что-то я частенько стал озвучивать вслух мысли... Надо как-то сдерживаться, что ли! А то наболтаю лишнего... Сразу же вспоминается Ленин со своей революцией. «Нельзя. Только про сражение!»

— Освещение плохое у вас. Лампочки никудышные! — Говорю это, и язык застревает в горле. Год-то какой на дворе, балда?... Да они еще пять лет назад при свечах плавали... Ходили то есть. Просыпайся, Слава, просыпайся уже!

— Да? Мне казалось... — Он удивленно смотрит на потолок. — Наоборот, мне кажется, очень даже светло.

Возникает неловкая пауза, во время которой мы изучающе разглядываем друг друга. Я вижу перед собой интеллигентного, чуть уставшего человека с бородкой и усиками. Почему-то очень мне симпатичного. С легкой проседью в волосах, подстриженных «ежиком». Впрочем, внешности его это совсем не портит. Наоборот, располагает к нему еще больше: это вам не гопота из конца двадцатого с подобными стрижками... Породу никуда не денешь.

Интересно, а кого видит перед собой он? Голого небритого блондина с обгоревшей мордой, жалко завернутого в

простыню? Ладно хоть крестик на шее остался. Рука ощущает грудь — на месте.

— Вы верующий? — замечает он мое движение.

— Бывает...

— Не стал вас будить. Вы проспали... — смотрит на часы, — почти шесть часов. Поэтому... — С этими словами он разворачивает сверток.

Все то же самое. Разве что паспорт высох... И это ты четыре часа здесь сидел? А что, разбудить было никак?.. Вот же интеллигент.

— Наверное, я должен все объяснить? — киваю в сторону барахла.

— Да уж, потрудитесь!

— Можно сперва в... — с тоской смотрю в сторону выхода.

— Жду!

Быстренько пробегаю по коридорчику между койками, открываю дверь. Федор сменился, на посту за столом другой матрос — молодой парень лет двадцати. Смотрит подозрительно. «Да гляди ты, сколько хочешь!» Подмигиваю ему, дергая ручку заведения. Та не поддается — заперто изнутри.

— Занято там! — неприветливо сверлит меня глазами дежурный. — Подождать надобно!

Занято так занято... Встаю в очередь, притопывая босыми ногами. Хоть бы тапочки какие выдали. Ночью все же довольно прохладно!

Попутно оглядываю просторный предбанник лазарета. Который с буквой «ер» на конце. Напоминает перевязочную. Белый кафель на стенах, две раковины, широкий лежак для осмотра. Два массивных деревянных шкафа в углу, рядом бак для воды. Похож на те, что в поездах, только габаритней. Стол с матросом почти полностью заставлен стеклянными баночками с цветными ярлыками, колбами, диковинного вида металлическими емкостями с разнообразным инструментом. Настольная электрическая лампа под белым плафоном. Под потолком икона Николая Чудотворца в деревянном окладе. И все вокруг настолько древнее...

Не в том смысле, что старое, — как раз наоборот, блестит металлом и свежей белой краской. Именно древнее. Как в музее!

Матрос решил сжалиться надо мной:

— Ежели по малой нужде — можете прямо за борт, только по-быстроу. За дверью, направо, — указывает на выход. — Потом наверх и на батарейную палубу.

За борт так за борт. Выхожу в широкий коридор — довольно низкий потолок, под ним редкие тусклые лампы. Выкрашенные мышиной краской стены... Где здесь направо-то? Конец коридора исчезает вдали. Не заблудиться бы. Ага!.. По сквозняку соображаю, что выход тут. Вот и лестница... Трап? Поднимаюсь по неудобным узким ступеням (господи, как же они раненых-то будут спускать?), осторожно просовываю голову наружу, оглядываясь: никого?.. Я оказываюсь на свежем воздухе.

В лицо ударяет соленый ветер, и я замираю. Только сейчас начиная сознавать, где нахожусь. Стоя на борту архаичного монстра столетней давности, рассекающего море в сторону Японии, от нахлынувших чувств я немедленно забываю, зачем сюда пришел. В горле вновь подозрительно першит, рука хватается за стену.

Я, сибиряк в десятом колене, из двадцать первого века попал в прошлое! Причем в какое прошлое... Этот бронированный гроб через две недели окажется на дне, утащив за собой почти весь экипаж. Что я здесь делаю-то вообще, да и зачем?..

Здесь почти темно, в нескольких метрах палуба заканчивается, и слышен плеск воды. Дальше чернота. Может... Несколько минут, и?.. Ноги сами собой делают два шага. Ночью некому будет спасти?.. Еще один шаг.

Голоса откуда-то сверху приводят меня в чувство.

Чего это я, а?.. С удивлением рассматриваю свои ноги. Вы что? Куда меня понесли?.. Нет, Слава, мы еще поборемся с тобой! Постепенно прихожу в себя.

Совсем неудачная это была идея, лучше немного потерпеть. Нырять обратно в люк, кубарем скатываясь вниз. Чуть не потеряв простыню по дороге. Хорошо, никто не видит...

В длинном коридоре кто-то есть, и эти «кто-то» идут мимо. Только не сюда! Не хватало меня в таком виде застать! И чего я не дождался очереди? Замираю и стараюсь не дышать. Шаги постепенно стихают:

— ...На гумне комаров — что блох на собаке. А она мне: «Се-о-ома, ты меня под венец поведешь?..»

Дружный хохот перебивает гул работающих машин корабля. Непроизвольно улыбаюсь и я.

Времена идут, а люди в них совершенно не меняются!

Смех стихает вдаль, и я робко высовываюсь — вроде никого. Белой тенью проскальзываю в знакомую дверь.

Матрос стоит навтыяжку, тараша глаза на Матавкина. Тот явно только что серьезно его распекал. Поворачивает голову, и лицо немного расслабляется. Похоже, причина во мне?

— Ну вот, ваше...

— Вольно! — перебивает врач и сурово глядит на меня: — Надеюсь, вы все?

— Нет, господин Матавкин... — дергаю я вожделенную ручку. Ура, открыто! — Простите меня любезно...

Через минуту мы вновь сидим в лазарете.

Ну, Слава, держись. Обмен любезностями закончен, зрители ждут. Начинается представление. Главное — только не сболтни ничего лишнего!

— Вы ведь посмотрели паспорт? — сразу беру я быка за рога.

— Посмотрел.

— Что скажете?

— Это я вас хотел бы спросить — что скажете вы!

А он далеко не прост. Похоже, действительно придется рассказывать мне. Господин Матавкин на эту удочку не повелся. Ну что же, честь ему и хвала за это...

— Дату рождения меня и выдачи вот этого — видели? — смотрю ему прямо в глаза.

Он берет документ, но почему-то не открывает, рассматривая обложку.

— Прочитал, и... — Человек в явном замешательстве.

— Так вот, господин судовой врач. Все данные соответствуют действительности. А заграничный паспорт выдан мне два года назад.

С моими последними словами Матавкин поднимается с места и начинает нервно расхаживать взад-вперед. Человеку явно непросто дается услышанное. Решаю окончательно его добить. А что делать-то?

— То есть получен мною в две тысячи четырнадцатом году. — Делаю небольшую паузу и немного ехидно добавляю: — От Рождества Христова. — А вот здесь я зря... Выглядит так, будто передразниваю. — Через сто девять лет, господин Матавкин.

— То есть вы?.. — Он останавливается напротив.

— То есть я!

— А как, простите?..

— Сам не знаю. Вот честное слово! Выпал с прогулочного катера за борт, и меня спасли сюда, на «Суворовь». Ну, провел в море около часа. — Я вижу его вытянутое лицо, и мне становится даже немного смешно. Ты действительно хороший парень, Аполлоний. Но вот когда ты так удивляешься...

Нет, актер из меня действительно никудышный... Потому что улыбка все же прорывается наружу, и он ее видит. Давай, Аполлоний, улыбнись в ответ — и контакт, считай, состоялся. Дальше будет проще, только мне верь! Я ведь уже поверил, что я здесь? Поверь и ты! Но Аполлоний не спешит улыбаться. Вновь садится напротив. Лицо серьезно.

— Не верю... Не может быть. Докажите!

Ну, детский сад... Как я тебе докажу-то? Не по глазам паспорт с деньгами? Матавкин, не разочаровывай меня только!

— Деньги посмотрите... — Я совсем сникаю. — Там даты изготовления, не подделать.

— Видел. Все равно не могу поверить! Расскажите... — Он на секунду задумывается. — Чем закончится Русско-японская война, например? — Он явно нервничает, это выдают чуть дрожащие кончики пальцев, но приготовился слушать.

Ну вот, младший судовой врач Матавкин. Симпатичный мне, совсем неплохой парень. Ты сам меня об этом попросил, и теперь действительно придется рассказывать. Только вот плохо, что ты мне еще не поверил, друг. А после моего рассказа тебе станет легче? Уверен?..

— Хорошо. Я расскажу. Только одна просьба.

— Какая же?

— Дайте слово чести, что разговор останется между нами. Пока между нами. И вы не станете требовать того, о чем я рассказывать не захочу. Ни под каким предлогом. Договорились?

Он медлит. На лице отражается внутренняя борьба. Наконец отвечает:

— Будет зависеть от того, что вы скажете. Не могу дать такого слова! — упрямо смотрит он на меня.

Все правильно, наверное. Вдруг я японский шпион?

— Ну, тогда все равно слушайте. Не перебивая. — Я набираю в легкие побольше воздуха: — Четырнадцатого мая этого года, примерно в полдень...

Рассказывая, я наблюдал за ним. Этот довольно молодой еще человек, не старше тридцати пяти, с каждой минутой моего рассказа будто старел на глазах. Его почти военная выправка при каждом слове проседала под тяжестью опускающихся плеч. Он не перебивал, как я и просил. Молча принимая факты как должное. Только лицо его... Постепенно становилось черным, сливаясь цветом с мундиром.

Наверное, точно так же молча и тогда, четырнадцатого мая, ты принимал раненых. Одного за другим. Окровавленных, обожженных, с оторванными конечностями и страшными ранами. Принимал без лишних слов, хорошо делая свое дело. С чернеющим от усталости лицом. И я точно знаю, младший судовой врач Аполлоний Матавкин... Вот теперь точно. Что когда твой броненосец, переворачиваясь, начал тонуть в ту роковую ночь... Ты так и остался здесь, в своем лазарете. До последнего пытаешься при свете тусклых лампочек помочь тем, за чьи жизни ты отвечал.

Когда я заканчиваю, повисает долгая пауза. Матавкин, не шевелясь, глядит в пол, подперев голову ладонями обеих

рук. Я напряженно смотрю на него, тоже не двигаясь. Рассказывать человеку о том, что через двенадцать дней... уже через одиннадцать... он умрет, — не просто. Это страшно.

Наконец он нарушает молчание:

— То, что вы рассказали, — ужасно. — Он поднимает голову. Лицо отражает сильнейшие эмоции. Превратившись в почти старческое. — Но это еще ничего не доказывает.

Ну вот опять ты, Матавкин... Что же с тобой делать-то? Он между тем продолжает:

— Гарантии, что вы не вражеский агент, — нет никакой, — с прищуром смотрит на меня, от чего становится не по себе.

Эй, Матавкин, не хулигань, а? Какой я тебе «вражеский агент»?! Да я русский, папа мой русский, мама русский!.. Хоть бы еврей один в родне — так ведь нет! Матавкин?..

— Поймите меня правильно и не обижайтесь. — Он не сводит с меня глаз, и я начинаю нервничать. — Для того чтобы вам поверить, нужны более веские доказательства! Все эти вещи, — показывает на сверток, — наверняка можно изготовить. Не знаю как, но раз они изготовлены — значит, можно.

Логика железная, не поспоришь. Раз пирамиды есть — значит, кто-то же их построил? Вопрос только один: как и кто...

Пробегаю взглядом по вещам.

Паспорт ты видел, деньги поддельные... Останавливаюсь на смартфоне: бесполезно, минимум час в соленой воде! Да и кто же тебя выключал-то? Однако...

Так, теперь стоп! Я ведь и выключал!..

Смартфон у меня не новый, на море сигнал не ловится. А когда его нет — начинает жрать батарею аки сумасшедший, пытаюсь этот самый сигнал поймать. Как сейчас помню — я выключил его минут через тридцать после отплытия!

По старинке я никогда не перевожу его на «в самолете», а именно — выключаю. Привычка.

Получается, все это время он был выключен? Так, становится совсем интересно...

Протягиваю руку:

— Можно?

Матавкин кивком разрешает, внимательно наблюдая. Его правая рука будто невзначай опускается в карман ките-лу. «Ай, Матавкин, ну вот зачем ты так?..»

Стараясь не обращать внимания, быстро снимаю крыш-ку, извлекаю батарею: на первый взгляд сухо. Видны разво-ды соли.

Сколько уже прошло? Суток ведь даже нет! Не высох! Рискнуть?

Врач внимательно следит за моими действиями, не вме-шиваясь. Рука по-прежнему в кармане.

— Можно вопрос, господин Матавкин?

Тот согласно кивает.

— Там, где вы это хранили, — показываю на телефон, — там жарко?

— Под моей каютой располагается машинное отделе-ние. Температура редко опускается ниже тридцати по Цель-сию... — Он пожимает плечами. — К тому же здесь — тропи-ки! Да, жарко. Это имеет какое-то значение?

— Еще какое! Дайте пару минут — узнаете.

В глазах Матавкина появляется заинтересованность. У меня же пот градом катится со лба. Никогда еще не вклю-чал утонувший телефон под дулом пистолета...

Решено — рискую. Раз жара — должен был просохнуть. Так, а вот теперь внимательно, Слава! Сейчас, возможно, решается твоя судьба. А быть может, и не только твоя...

Осторожно, не делая лишних движений, присоединяю батарею, ставлю на место крышку. Давай же, артефакт два-дцать первого века! Не подведи!

До самого упора вдавливаю кнопку — ну же!.. Сердце за-мирает. Не дышу. Медленно проходит секунда, за ней дру-гая...

В ладонь легким тычком отдается долгожданная вибра-ция.

Ура! Заработало!!! Родной, только загрузись теперь! Ты просто обязан это сделать!

На экране возникает знакомая картинка, и по лазарету разносится мелодичное приветствие: «Пам-пам-парам... Пам!..»

Есть!

Матавкин если и удивлен, то хорошо это скрывает. Взгляд по-прежнему заинтересованный, но не более того. Разумеется, правая рука решила поселиться в правом же кармане. Хорошо ей там, видимо...

Не понял, парень, ты что, видел уже смартфоны? А? Ну-ка признавайся! Сейчас я тебе и не такое еще покажу. Обалдеешь!

Быстренько перехожу в меню, карту памяти... Это еще что за фокусы? Карта недоступна? Там же все фотографии!!! Эй, смартфон, охренел?!

Наверное, на моем лице читается разочарование. Потому что Матавкин немедленно спрашивает:

— Все в порядке? Получилось?

— Да, одну секунду еще... — отвечаю я, лихорадочно соображая. Память... Есть же еще встроенная? Ну-ка, а там что у меня?..

Открываю — есть фотки! Не самые свежие, двухлетней давности, но все же есть! Вот они, родные... Что бы такое тебе показать? Я быстро пролистываю файлы. Лена — та, что перед Анькой... Кот... Мое псо... То есть мой пес... Вот то, что надо! Домодедово, Москва, Кремль! Если и аэропорт тебя не убедит с современной Красной площадью... Мавзолей-то видел? Нет? Уже само работающее устройство, что ты наблюдаешь в моих руках, Матавкин, должно тебе все доказать. Но ты же такой недоверчивый! Гляди!

От радости я забываю про осторожность, делаю резкое движение. И, услышав металлический щелчок, тревожно застываю.

— Спокойно, господин Смирнов. — Он так же пристально смотрит на меня. — Оставайтесь там, где сидите. Я сам к вам подойду.

Осторожно поднимается и действительно подходит. Становится рядом так, что правый карман смотрит мне в лицо. Естественно, не вынимая оттуда руки.

— Показывайте, что здесь у вас.

Я поднимаю аппарат так, чтобы ему был виден экран. Не спеша начинаю листать фотографии:

— Вот московский аэропорт... Называется Домодедово. Вот это — современные самолеты. Видите? Вот я, получаю багаж... Узнаете?.. — Он не отвечает, лица его я не вижу. Продолжаю листать дальше: — Вот аэроэкспресс, это такой скоростной поезд. Ходит оттуда в Москву и обратно. Снова я, уже в этом поезде... А это — Московский метрополитен. Ну, такая подземная железная дорога...

— Я знаю... Видел репродукции Лондонского метро! — Матавкин тесно приземляется рядом. Обе руки на коленях. Уф, отлегло! — Показывайте же дальше, чего вы остановились!.. — нетерпеливо подталкивает он меня. — А статуи какие замечательные... Как красиво! А в каком году метро заложили? И самолеты насколько у вас огромные! — От былого недоверия не остается и следа. — А как... А когда?..

Следующие десять минут мы сидим, словно два школьника, уткнувшиеся в телефон с порнухой. Матавкина интересуется все — вопросы сыплются на меня как из ведра, и я едва успеваю отвечать. Аэропорт, метро, московские улицы... Особое внимание привлекают автомобили. Он буквально заваливает меня просьбами описать ту или иную машину. Заставляя увеличивать изображения и тыча пальцем в экран:

— А эта модель как называется? А какую скорость развивает?

— Так, все! — Я отодвигаю телефон и нажимаю «выключить». Подборка приблизилась к Красной площади. А мавзолеем Ленина с кремлевскими звездами тебе видеть ни к чему, коллежский советник Матавкин. Причем совсем ни к чему. Да и заряда остается меньше половины.

Тот смотрит непонимающе.

Что тебе сказать? Про революцию Октябрьскую? Обойдешься. Сам не хочу.

Первым нарушаю молчание:

— Теперь верите?

— Теперь верю! Даже не верю — вижу!.. — Его лицо развело что не светится. Как быстро все меняется, стоит только предъявить факты... А если бы не включился? Я кохусь на карман. Теперь уже замечая, что он и вправду оттопырен.

— Простите меня за недоверие! — Он поднимается и начинает расхаживать взад-вперед. — Я и впрямь решил, будто вы... — Запинаясь, он резко останавливается, словно что-то вспомнив. Лицо мрачнеет. — За вами скоро придут, — смотрит он на часы. — Вот-вот должны.

Вот это новости! Кто там еще придет? Охранка? Лихорадочно вспоминаю, были ли ее представители в походе. Вроде Новиков ничего такого не писал, нет? Или я забыл?

— Кто?!

— Вас хочет допросить старший офицер. Македонский Андрей Павлович. — Лицо Матавкина окончательно меняется. — Он присылал за вами вахтенного лейтенанта, пока вы спали. Я объяснил, что вам плохо и вас нельзя тревожить. — Он почему-то краснеет.

Ай Матавкин, Матавкин... Вроде бы Фома ты неверующий, а ведь не выдал! Спасибо, брат. Не зря в тебя верил. Так, и что же теперь делать? Думай, Слава, думай давай!

— Еще сможете отмазать?

— Что сделать?.. — Он непонимающе смотрит на меня.

Ах да, что же это я... Ты же не рос в России в девяностые...

— Продлить бюллетень! Или как там это у вас... — пытаюсь подобрать нужное слово. Вот уж действительно — разница в целый век! — Соврать, в общем! — не придумываю я ничего лучшего.

— Мое дежурство заканчивается через час. Затем заступает старший корабельный врач, и... — Он разводит руками.

Так, понятно. Другие варианты? Варианты, Слава!

Рассказать Македонскому то же, что и Матавкину? Показать фотографии? Допустим. Кстати, почему нет? Через него однозначно есть доступ к адмиралу... А к Рождественскому-то мне зачем? Что я изменю? Я ведь даже не придумал, что можно сделать. Как раз и собирался посоветоваться с Аполлоном на эту тему! Теперь времени не хватает...

Разыграть перед старшим офицером амнезию и попытаться вернуться обратно, в «лазареть»? Поверит? Опять же Матавкин уходит со смены... Тупик, Слава. Тупик!

Наконец я поднимаюсь на ноги:

— Уберите это в личный сейф, Аполлоний Михайлович, — показываю на вещи. — И чем быстрее это сделаете, тем лучше. Так надо. Кому-нибудь говорили про них?

— Нет. — Он задумывается. — Разве что Федор видел, он помогал вас раздевать. Но в документы, кажется, не заглядывал. Я почти уверен. А почему вы не хотите... — Он замолкает, но и без того ясно, что он хочет спросить.

— Потому что пока не знаю, чем могу помочь всем вам... — Я плотнее закутываюсь в простыню. — Потому и не хочу никому рассказывать. Вам вот пришлось объяснять вынужденно, деваться некуда было... — Вид у меня, наверное, крайне комичный, однако сейчас не до юмора.

Тот нервно расхаживает между койками, теребя бородку.

— Но ведь наоборот, надо всем рассказать об этом как можно скорее! Можно ведь что-то придумать? Изменить?

— Господин Матавкин... — Стараюсь говорить сдержанно. Как бы тебе объяснить-то? Так, чтобы сразу дошло? Когда там восстание на «Потемкине» было? До, после Цусимы? Наверное, все же после... У Новикова ничего о нем не сказано. — Вы понимаете, что произойдет, — продолжаю я, — если о скорой гибели эскадры прослышит команда? — стараюсь тщательно выговаривать каждое слово. — Особенно нижние чины? — делаю упор на слово «нижние».

Матавкин останавливается, напряженно морща лоб. Массирует виски. Лицо отражает внутреннюю борьбу. Между долгом и здравым смыслом. Побеждает последнее.

— Хорошо. Разговор остается между нами. — Его плечи опять опускаются. — Но тогда?.. — Он разводит руками. — Оставить все так, как есть?..

Эх, Матавкин... Думаешь, я вот так просто дам тебе помереть? И всем остальным? И себе?! Что я тебе, самурай? Хоть ты и думал так двадцать минут назад...

— Нет, Аполлоний Михайлович! — стараюсь выдавить улыбку. Получается однозначно не очень, но уж как есть. —

Мы обязательно подумаем с вами, как сделать, чтобы этого не случилось. Только для этого мне надо думать и вспоминать. Вспоминать и думать! Ферштейн? — Опять я зря... Что там у России с Германией было?..

Но Матавкин, к его чести, не реагирует на очередную глупость. Лишь согласно кивает в ответ.

И кстати... Мне до каких пор здесь голышом бегать? А, Матавкин?

— Послушайте, — дублирую вслух свою мысль, — может, дадите хоть какую-то одежду?.. Господин младший врач?

Тот, охая, хватает свертки и почти бежит к выходу.

Пока его нет, я усаживаюсь на кровати и вновь задумываюсь.

Решено. Разыгрываю потерю памяти. Ничего не помню, ничего не знаю. Амнезия, мол. Память отшибло. Упал, очнулся — гипс. Возвращают сюда — то же проделываю с новым врачом. Жду выхода Матавкина, советуюсь с ним. Пока валяюсь — придумываю хоть что-то стоящее. Может, сейчас еще сможем пообщаться?..

С надеждой смотрю в сторону двери.

Он одежду принесет, сядем, и...

Однако поговорить, похоже, не получается... Со стороны выхода ко мне понуро шагает Матавкин, рядом незнакомый офицер. Кажется, тоже в форме лейтенанта. Точно, две звезды. Причем вид у последнего явно недружелюбный. Похоже, мне пора собираться? А вещи? А шашлык?.. Ага, Матавкин несет... Не голым пойду — и на том спасибо.

Поднимаюсь им навстречу, уже по привычке подтягивая свою простыню.

То, что приташил мне Матавкин, — ни в какие ворота. Вот же удружил... С трудом напяливаю тесные белые штаны с тесемками. Такая же узкая рубаха со стоячим воротничком.

Это нижнее белье? И белые тапочки, хоть в гроб ложись. Еще не хватало...

Хотя чего это я... Действительно, не офицерский же китель мне выдавать! Я хоть и лейтенант запаса, коллеги вы мои, но это когда будет...

Одеваясь, украдкой поглядываю в сторону «новенького». Молча стоит, наблюдает. Пока не произнес ни слова.

Матавкин стоит рядом с участливым видом. Вот-вот кинется мне помогать. Не надо, Аполлоний, обожди. Ты лицо незаинтересованное, таким и оставайся. Это нам с тобой еще может оч-чень пригодиться...

Улучив момент, когда новый лейтенант отвернулся, тихонько шепчу:

— Бирки с одежды срежьте! — делаю при этом страшные глаза.

Тот поначалу не понимает, но потом доходит. Незаметно кивает в ответ.

Не хватало еще лишних вещдоков... Нашли-то меня в одежде? И очень могут ею заинтересоваться. А по-русски там — ни гу-гу. Да что там бирки... Не срежет же он «Wangler» с джинсов... Или срежет? И пуговицы с заклепками?!..

Ну, пожалуй, все. Я одет. Немного жмет в плечах, однако терпимо. Куда там идти? В какое отверстие ругаться?

Все так же молча проходим лазарет, выходим в предбанник. Ничего нового — матрос навытяжку, склянки...

И тут:

— Аполлоний Михайлович, будьте любезны вещи арестованного!

А вот это уже новости! Я что, арестован?..

Обалдело смотрю на лейтенанта. Лицо того остается бесстрастным. Матавкин удивлен не меньше.

Только виду не подавай, Матавкин! Ты меня не знаешь, я тебя не знаю! Мир, дружба, жвачка... Банзай! Одежду давай носи ему, а не стой тут как истукан! Но только одежду, Матавкин! Ничего лишнего!..

Словно услышав мои мысли, врач пулей вылетает за дверь. Пока мы ждем, от нечего делать начинаю беззастенчиво разглядывать сопровождающего. На вид лет тридцать. Лицо загорелое, обветренное. Небольшие усики, держится уверенно, подтянут... А вот взгляд наглый, я бы даже ска-

зал — конкретно борзый. На штабиста явно не тянет... Внутренне одергиваю себя: «Ага, добавь еще к описанию: «характер нордический». — Штирлиц недоделанный!..»

А вот и Аполлоний Михайлович вновь пожаловали... С вещами, как говорится. Надеюсь, с правильными вещами? Молодец!

Врач вручает конвоиру сверток, виновато глядя на меня. Ладно, чего уж там... Буду думать, как выкручиваться.

Делаю уже шаг к выходу, когда меня останавливает лейтенант:

— Стойте. По команде!

Покорно останавливаюсь, жду.

— Идите!

А вот это уже похоже на издевательство! Кто я тебе здесь? Характер решил показать?

Тем не менее, молча перешагивая металлический порог, я выхожу в коридор: «Так уж и быть... Ты ведь тоже считаешь меня шпионом...»

Лейтенант следует в шаге позади. В надежде повернуть на верхнюю палубу делаю движение к трапу.

— Прямо!

Прямо так прямо... Так бы сразу и сказал, а то: «Пря-амо»... Ладно хоть руки не назад.

Пока идем по широкому коридору, с интересом рассматриваю обстановку. Никогда не был на военном корабле не то что старом, но и современном. В Питере хоть и бывал, но на «Авроре» так и не пришлось. Зато сейчас — гляди не хочу.

Справа, слева — двери. На каждой табличка с названием. На ходу не прочесть, а головой не верчу — мало ли что на уме у товарища... Коридор выкрашен все той же мышинной краской. Что у вас, цвета другого не было? Стены собраны из металлических плит, прикрученных болтами. Шляпки наружу... Похоже, о красоте тут мало кто заботился. Какие-то металлические шкафы на стенах. У самого пола и под потолком тянутся кабели в изоляции, изогнутые трубы с большими вентилями... От одной идет ветка к пожарному гидранту... Почти как у нас!

— Налево!